

Похороны Л. Н. Толстого.

В ожидании траурного поезда.

Корреспондентъ „Р. С.“ телеграфируетъ: „ЗАСБКА“, 9 XI. Около 3-хъ часовъ ночи прѣхалъ изъ „Щекина“ въ „Засѣку“, дорогой необыкновенное явление: всѣ деревня, мимо или черезъ которыя приходилось ѣхать, торжественно. Крестьяне не спятъ, ждутъ момента, когда надо будетъ идти на станцію встрѣчать прахъ Льва Николаевича. Ближе къ „Засѣкѣ“ встрѣчаются идущіе къ Ясно-Полянѣ толпы и группы студентовъ, курсистокъ, вообще молодежи. Много ихъ. Черною лентой пелуютъ они по лѣвой дорожкѣ. „Куда идете?“—спрашиваю одну группу.—„Въ Ясную Поляну“.—„Тамъ, вѣдь, почва въ „егѣ““.—„Ничего, побордимъ до утра“—отвѣчаютъ бодро. Еще ближе станціи и на станціи уже сплошная толпа. Молодежь пьетъ чай, обѣдуютъ Л. Толстого. Спать никто не ложится. Подходятъ новые поезда.

Похороны.

Корреспондентъ „Рѣчи“ телеграфируетъ: ЗАСБКА, 9 ноября, 2 ч. 25 мин. дня. Туманное, сѣрое, но теплое утро. Въ 6 час. поездъ тронулся изъ Горбачева и въ 8 час. тихо подошелъ къ платформѣ „Засѣка“. Все поле кругомъ залито народомъ. Черной полосой далеко вытянулся онъ по дорожкѣ. Можно было ожидать еще больше—десять тысячъ, сотенъ тысячъ, но были поставлены неодолимые препятствія. Множество осталось въ Москвѣ, ибо неожиданно отказали въ спеціальныхъ поездахъ. Совѣтъ не попали на похороны петербургцы. Рассказываютъ, что въ московскихъ вагонахъ было второе больше пассажировъ, чѣмъ полагаютъ. Спали въ коридорахъ на полу. Въ одномъ вагонѣ, при свѣтѣ свѣчи, читали вслухъ „Дѣтство и отрочество“.

Въ началѣ 9-го открыли траурный вагонъ. Подошли новыя группы крестьянъ изъ Ясно-Поляны и соседнихъ деревень. Въ половинѣ 9-го гробъ былъ выдвинутъ изъ вагона, и процессія тронулась.

Впереди на 5 прострѣжъ крестьянскихъ телегъ везли вѣнки. Затѣмъ шла промадная толпа. Два крестьянина несутъ на двухъ березкахъ широкую полотнянную полосу съ надписью: „Левъ Николаевичъ! Память твоя не умретъ среди насъ, среди осиротѣвшихъ крестьянъ!“ Громатный студенческий хоръ всю дорогу поетъ „Вѣчная память“.

Два крестьянскихъ вѣнка несутъ старые яснополянцы къ задумчивымъ серьезными лицами. Далѣе pokračивается на рукахъ крестьянъ закрытый гробъ. За гробомъ трафяния, дѣти и друзья Толстого, а потомъ депутация. Среди нихъ депутация московская изъ двухъ членовъ управы. Изъ Тулы прібыли городской голова.

Процессія замыкается сильными отрядами конныхъ стражниковъ. Весь путь крестьяне посылали ельникомъ. Работали они надъ этимъ всю ночь.

Несмотря на плохую извѣстную дорогу, мы очень быстро поднимаемся впередъ. Въ половине 10-го мы дошли уже до мѣста, гдѣ еще 3 лѣтъ тому назадъ на границѣ тульской и крапивинскаго уѣздовъ стоялъ извѣстный всѣмъ столбъ, исписанный надписями, направлявшими въ Ясную Поляну.

Вотъ уже виденъ яблонный садъ, посаженный Толстымъ.

Въ половинѣ 11-го процессія вошла въ усадьбу. Еще черезъ 10 минутъ гробъ скрылся за низкой дверью яснополянскаго дома. Толпа стала нацпирать, и дверь закрылась на одинъ часъ, чтобы установить гробъ въ библиотекѣ и дать семьѣ возможность проститься отдѣльно. Оставшіеся за дверью выстраиваются туескомъ на очень далекомъ разстояніи и ожидаютъ очереди, чтобы поклониться дорогому праху.

Я иду пока къ могилѣ за паркомъ. По пути друзья Толстого, прошедше въ Ясно-Полянѣ вчерашній день, рассказали мнѣ подробно о томъ, какъ мѣстные крестьяне встрѣтили вѣсь о кончѣи Толстого. Узнавъ вечеромъ о смерти Льва Николаевича, они собрались къ яснополянскому дому; многие плакали. Затѣмъ крестьяне стали просить, чтобы имъ предоставлено было сдѣлать все, что нужно; вырыть могилу и нести гробъ. Всю ночь въ деревнѣ не гасили огней,—велись разговоры о Толстомъ...

Мы подошли къ могилѣ, вырытой на холмѣ, обсаженномъ липами, въ полуверстѣ отъ дома. Тутъ и была зарыта Толстымъ въ дѣтствѣ зеленая палочка, на которой онъ и братъ Николай написали свои обѣты, какъ они будутъ жить.

Пшину эти строки въ часъ дня въ толстовской читальнѣ, построенной обществомъ трамвайности. Вереница ожидающихъ еще страшнѣе велика, и трудно сказать, когда прощанье кончится и когда будетъ потребень.

Передая нѣсколько рассказовъ, слышанныхъ мною здѣсь, въ Ясно-Полянѣ. Рассказываютъ, что послѣ ухода Толстого трафяния нашла его портфель, гдѣ оказались рукописи двухъ повѣстей, о существованіи которыхъ раньше не знали. Рассказывали мнѣ также, что Толстой не оставилъ завѣщанія относительно литературнаго наслѣдства; за вѣрность этого слуха я не ручаюсь.

Уже по окончаніи похоронъ, въ 6 часовъ, въ Ясную Поляну прібылъ автомобиль съ П. Н. Милковскимъ, Ф. И. Родичевымъ, Покровскимъ и Рокжовымъ. Пріѣхавшіе поклонились на могилѣ Л. Н. Толстого, поклонились ей. Затѣмъ были приглашены Толстыми къ обѣду. Вышла на нѣсколько минутъ къ нимъ гр. Софья Андреевна.

Кромѣ того, вечеромъ пріѣхали М. М. Винаверъ и С. И. Елпатьевскій, какъ депутаты „Русскаго Богатства“.

Около 10 часовъ вечера пріѣхала большая группа петербургскихъ студентовъ. Они отправились на могилу, гдѣ пріѣхали „Вѣчную память“ и возложили живые цвѣты.

Сегодня пріѣхали многія делегации и отдѣльныя депутации.

Спуста минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“.

Воротъ дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были запорты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были расфянны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой линіи, рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣивать толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. вѣч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обоого пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направлялась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была расфяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направлялись къ Казанской площади. На углу Евтѣриинской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать путь. Но они были конными жандармами отбѣснены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были расфянны.

Въ 6 ч. вѣч. толпа въ 100 человекъ, съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“, направилась отъ угла Невскаго пр. и Николаевской ул. къ Литейному просп. За толпой шла полиція. У Литейнаго пр. конные жандармы сдѣлали попытку разогнать толпу. Черезъ нѣсколько минутъ толпа вновь собралась и направилась по Невскому пр. какъ говорить, съ цѣлью пойти къ Александрово-Невской лаврѣ. Впереди появились два студента, которые несли портреты Толстого. Движеніе трамвая было временно приостановлено. Прохожие, слушая пѣніе „Вѣчной памяти“, обнажали головы.

Недалеко отъ д. № 68 по Невскому пр. отрядъ городовыхъ съ ружьями окружилъ участниковъ шествія.

Часть была отведена во дворъ д. № 89. Здѣсь всѣ были переписаны, при чемъ, пять—шесть человекъ были препровождены въ Александрово-Невскую и Литейную части для удовлетворенія личности.

По окончаніи сходки, 10-го ноября около 2 час. дня, студенты, выйдя изъ университета, сплотившись и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ направлялись по набережной. Отрядъ городовыхъ прервалъ путь къ Дворцовому мосту, толпа повернула по направленію къ Николаевскому мосту, время-отъ-времени возобновляла пѣніе „Вѣчной памяти“.

Конная полиція нѣсколько разъ отбѣсняла студентовъ съ мостовой на тротуары.

Изъ университета вышли ректоръ проф. Д. Д. Гриммъ, проректоръ П. Д. Андреевъ и проф. М. Я. Пергаментъ, І. А. Покровский и А. А. Жижинко и убѣждали студентовъ расходиться.

Около 5-ой линіи отряды конной полиціи, выстроившись въ рядъ, совершенно преградили путь по направленію къ Николаевскому мосту. Въ это время отряды полиціи стали отбѣснять студентовъ съ набережной на линіи Вас. острова. Большая часть толпы была отбѣснена на 4-ую линію, гдѣ конные городовые нѣсколько разъ принуждали собравшихся расфяниться.

Лишь къ 4 час. дня мѣстность была совершенно очищена отъ собиравшихся группами студентовъ.

Около университета и послѣ этого были оставлены патрули конныхъ и пѣшихъ городовыхъ съ ружьями, для наблюденія за порядкомъ.

Шествіе къ дому Л. Н. Толстого. Предположенное 9 ноября торжественное шествіе всего студенчества къ дому Толстыхъ въ Хамовники, постановленіи о которомъ были сдѣланы на всѣхъ почти студенческихъ сходкахъ, посвященныхъ памяти Л. Н.,—не удалось.

Въостамъ были приняты мѣры. Наряды полиціи у университета были усилены. Хамовнической переклоуе были отпущены отрядами конныхъ жандармовъ и городовыхъ съ обѣихъ сторонъ—со стороны Хамовническаго плаца и Боженинскаго переулка. Къ дому Толстого никого абсолютно не пропускали. Группы учащейся молодежи-студентовъ, курсистокъ, интеллигенціи и рабочихъ, являвшіяся въ Хамовники, расфянались.

Университетъ былъ запертъ. У всѣхъ входовъ и выходовъ стояли сторожа, дежурили представители полиціи.

Съ одинадцати часовъ утра стали стекаться студенты. Небольшими группами приходили курсистки. Прибывали студенты-петровцы. Постоянно разогнанныя полиціей молодежь все же старалась держаться поближе къ университету, задерживалась у афишныхъ кіосковъ, на остановахъ трамвая.

Улучивъ удобную минуту, она прорывается черезъ одну изъ незапертыхъ калитокъ, отбросивъ сторожей, во дворъ стараго университета.

Группа довольно большаа—человекъ 100. Раздается „Вѣчная память“. Представитель университетской администраціи, напоминаая студентамъ постановленіе ректора и градоначальства о нежелательности демонстрацій и могущихъ возникнуть послѣдствіяхъ, проситъ разойтись. Къ нему присоединяется полиційскій офицеръ.

Толпа покидаетъ дворъ университета и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ движется по тротуарамъ по Мховой. Пѣніе скоро обрывается. Идутъ молча. На углу Знаменки у Румянцевскаго музея молодежь задерживаютъ и отправляютъ въ первую тверскую часть. Велѣтъ за первой группой задерживаютъ вторую небольшую. Часть успѣваетъ укрыться въ Румянцевскомъ музее.

Въ участкѣ студентовъ держатъ немного. Выясняютъ личность и отпускаютъ. Студенчество, разбѣсненное на мелкихъ группахъ, разсыпается по городу. У университета наряды полиціи усилены. Разгоняютъ быстро, не давая собраться даже самымъ маленькимъ кучкамъ. Многие ѣдутъ въ Хамовники. Небольшая группа направляется на Тверской бульваръ и тамъ, въ Гоголевской городской библиотекѣ, служитъ гражданскую панихиду. Звучитъ „Вѣчная память“.

То же самое повторяется и въ студенческой столовой на Бронной.

Въ Петербургѣ.

Панихиды.

По инициативѣ армянской колоніи столицы, 9 ноября была отслужена въ армянской церкви, что на Невскомъ пр., панихида по Л. Н. Толстому. Въ церкви присутствовали видные представители колоніи и много учащейся молодежи.

Послѣ этой панихиды къ настоятелю армянской церкви явилась депутация отъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній съ просьбой отслужить панихиду по великому писателю; о. настоятель согласился, и въ 1 часъ дня армянская церковь была открыта для желающихъ присутствовать на второй панихидѣ. Церковь была переполнена учащейся молодежью разныхъ учебныхъ заведеній.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. вѣч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обоого пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направлялась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была расфяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направлялись къ Казанской площади. На углу Евтѣриинской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать путь. Но они были конными жандармами отбѣснены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были расфянны.

Спуста минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“.

Воротъ дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были запорты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были расфянны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой линіи, рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣивать толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. вѣч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обоого пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направлялась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была расфяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направлялись къ Казанской площади. На углу Евтѣриинской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать путь. Но они были конными жандармами отбѣснены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были расфянны.

Спуста минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“.

Воротъ дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были запорты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были расфянны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой линіи, рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣивать толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. вѣч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обоого пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направлялась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была расфяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направлялись къ Казанской площади. На углу Евтѣриинской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать путь. Но они были конными жандармами отбѣснены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были расфянны.

Спуста минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“.

Воротъ дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были запорты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были расфянны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой линіи, рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣивать толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

На Дворцовой набережной, около Дворцоваго моста толпа студентовъ 150—200 человекъ около 5 час. вѣч. остановилась и стала пѣть „Вѣчную память“.

На углу Садовой ул. и Невскаго около 5½ час. вечера образовалась многочисленная толпа учащейся молодежи обоого пола. Съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ толпа направлялась къ Анничкову мосту, но около дома Елисеѣва была расфяна.

Въ началѣ седьмого часа вечера на Анничковомъ мосту вновь организовалась толпа человекъ въ 100. Обнаживъ головы они начали пѣть „Вѣчную память“ и направлялись къ Казанской площади. На углу Евтѣриинской ул. и Невскаго пр. пѣніе встрѣтилось съ только что разошедшимися полиціей студентами. Обѣ группы соединились съ цѣлью совмѣстно продолжать путь. Но они были конными жандармами отбѣснены на панели и такимъ образомъ дошли до Михайловской ул., гдѣ были расфянны.

Спуста минутъ 10—15 движеніе по Невскому пр. было возобновлено.

Отряды полиціи и жандармовъ еще долго послѣ этого разбѣжали по Невскому пр. Собиравшіяся мѣстами отдѣльныя группы пѣли „Вѣчную память“.

Воротъ дома армянской церкви послѣ того, какъ прилегающая мѣстность была очищена отъ учащейся молодежи, были запорты. Снаружи входъ охранялся полицейскими офицерами и городовыми.

Послѣ того, какъ студенты на Невскомъ пр. были расфянны, они стали направляться къ университетской студенческой столовой имени проф. О. Ѳ. Миллера (на Бирзевой линіи, рядомъ съ университетомъ). Вскорѣ столовая отказалась почти совершенно переполненной, и въ ней началась сходка. Въ связи съ этимъ сдѣлано было распоряженіе закрыть столовую и прекратить доступъ въ нее. Благодаря этому у воротъ столовой образовалась толпа.

Появились отряды конной полиціи и начали отбѣивать толпу. Находящіеся въ столовой вышли и соединились съ бывшими на улицѣ товарищами. Возобновилось пѣніе на улицѣ „Вѣчной памяти“.

Послѣ этого толпа спокойно разошлась. Группы студентовъ, отбѣсненные послѣ сходки въ столовой отъ университета, расфянлись по разнымъ сторонамъ. Часть студентовъ направлялась на Невскій пр., часть по разнымъ линіямъ В. О. Слѣдующія группы, прѣвѣншія „Вѣчную память“, можно было, между прочимъ, видѣть на 10 л. на углу Средняго пр. и 1 линіи и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ такихъ группъ была расфяна недалеко отъ горнаго института.

Въ теченіе всего дня на Невскомъ пр. наблюдалось необычное скопленіе народа. Преобладали учащаяся молодежь. Изрѣдка раздалось пѣніе „Вѣчной памяти“.

По окончаніи второй панихиды въ армянской церкви, студенты вышли и, обнаживъ головы, на площади передъ церковнымъ зданіемъ пріѣхали три раза „Вѣчную память“.

Попытки молодежи двигаться по улицѣ сплоченными группами въ большинствѣ случаевъ кончались неудачно.

Утромъ 10 ноября въ университетъ явилась группа студентовъ, чтобы освѣтить вопросъ о поведеніи администраціи, вчера прекратившей доступъ въ Хамовнической переулокъ. Тутъ же студентамъ стало извѣстно, что, несмотря на единогласное постановленіе обща студентскаго схода въ понедѣльникъ прекратить занятія въ знакъ траура по поводу смерти Толстого на 3 дня, профессоръ историко-филологическаго факультета Вишперъ сегодня читаетъ лекцію и что его слушаютъ 6 академиковъ. Студенты рѣшили отправиться въ аудиторию Вишпера, прекратить лекцію и устроить манифестацію. Проф. Вишперъ, по просьбѣ студентовъ, лекцію прекратилъ, академики безпрекословно оставили аудиторию, а студенты выстроились во дворѣ новаго здания университета, обнажили головы и съ пѣніемъ „Вѣчной памяти“ двинулись со двора на Никитскую улицу. Процессія медленно шествовала по Никитской, стройно распѣвая „Вѣчную память“. Звукъ скорбнаго пѣнія разносился далеко по окрестностямъ, привлекая все больше и больше публики. Когда студенты очутились у угла Б. Кисловскаго переулка, студентамъ наперерывъ выѣхалъ нарядъ конной полиціи и разсѣялъ ихъ. Двое были арестованы. Говорятъ, они потомъ были освобождены. Послѣ этого ворота и въѣзды въ университетъ были закрыты.

Усиленный нарядъ полиціи весь день сторожилъ по Моховой и другимъ прилегающимъ къ университету улицамъ. Домъ гр. Толстого въ Хамовникахъ 10 ноября охранялся усиленнымъ нарядомъ полиціи. Не только домъ, но и переулокъ былъ оцепленъ со всѣхъ сторонъ. Пробраться туда могли только мѣстные жители, и то съ большими хлопотами.

Шествіе по Арбату.

Съ ранняго утра группы учащейся молодежи стали стекаться къ Хамовникамъ. Но здѣсь ихъ ожидало разочарованіе. Все было оцеплено. Стояли усиленные полицейскіе наряды, быстро всѣхъ разгонявшие.

Особенно много молодежи стало прибывать къ Хамовническому переулку въ серединѣ дня къ 12 и 1-му часу.

Неудачная попытка пробраться къ дому Толстого ее не смущаетъ. Толпа движется къ клиникумъ. Группа студентовъ около ста человекъ расположилась у психиатрической клиники. Отсюда, разогнанные полиціей, студенты двинулись къ патологической клиникѣ, въ аудиторию которой устроили маленькое шествіе. Память Л. Н. почтливо вставали.

Изъ клиники толпа двинулась по Девичьему полю по направленію къ Пречистенкѣ. Здѣсь шествіе не остановлено, она свернула на Смоленскій бульваръ, а отсюда, переѣхавъ Смоленскій рынокъ, вступила на Арбатъ, двигаясь все время молча, по тротуарамъ. Пройдя одинъ кварталъ толпа свернула на середину улицы... Кто-то затянулъ „вѣчную память“. Десятки голосовъ поднялись, и шествіе открылось. Гдѣ-то въ лавочкѣ достали небольшой портретъ Толстого, прикрѣпили къ палкѣ и поехали впередъ.

Толпа двинулась по направленію къ Арбатскимъ воротамъ. Прохожие снимали шапки, многие примыкали къ шествію. Кое-гдѣ застревали трамвай. До самахъ Арбатскихъ воротъ и, затѣмъ, до конца Никитскаго бульвара, куда свернуло шествіе, его никто не задерживалъ.

И только у Никитскихъ воротъ примчался нарядъ конныхъ жандармовъ и разогналъ толпу. Многихъ задержали, но, по удовлетворенію личности, переписали и отпустили.

Рукописи Л. Н. Толстого.

Неизданныя рукописи Л. Н. Толстого находятся за границей, въ Парижѣ. Чертковъ отправлялъ ихъ регулярно надежному лицу.

Объ уходѣ Толстого изъ Ясной Поляны.

Въ виду толковъ, что Толстой совершилъ уходъ подъ вліяніемъ давленія Черткова, могу сообщить, что мѣсяцъ назадъ получилось письмо отъ болгарина Досева, почему Толстой живетъ въ барствѣ и не уходитъ изъ окружающаго его тамъ обстановки. Чертковъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, изъ котораго ясно, что онъ не только не сочувствовалъ такому шагу, но всячески отговаривалъ и оберегалъ отъ него Толстого.

Телеграмма Иллѣдора А. И. Тучкову.

На состоявшемся 10 ноября засѣданіи совѣта всероссійскаго братскаго союза въ Парижѣ иеромонаху Иллѣдору поручено отправить председателю Гос. Думы А. И. Тучкову слѣдующую телеграмму:

„Александръ Ивановичъ. Совѣтъ всероссійскаго братскаго союза русскаго народа ваши слова, сказанныя въ Думѣ по поводу смерти Льва Толстого: „Господь Милосердный да откроетъ передъ нимъ Царство Небесное“ считаемъ кощунствомъ и богохульствомъ. Вы этимъ только доказали, что вы достойный ученикъ великаго богохульника и духовнаго разбойника. Развѣ вы не знаете, что хула на Духа Святого не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Зачѣмъ же вы на Бога клеветаете? Стыдно, позорно, мерзко, отвратительно.“

10 ноября телеграмма эта отправлена на имя председателя Гос. Думы въ Петербургъ.

Протоколъ врачей о болѣзни и смерти Л. Н. Толстого.

Считаемъ своимъ долгомъ изложить ходъ болѣзни Л. Н., которую мы, какъ врачи, наблюдали до самой его смерти.

28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать—было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ стціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой стціи. Этой стціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ стціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ стціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой стціи. Этой стціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ стціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появилась кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появилась ознобъ, температура поднялась до 39, 1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согревающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1, ничего не ѣлъ, выпадалъ въ забытіе. Изъ лекарствъ давали стропантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова откашливалъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ.

Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней доль лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита—36,7. Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ стціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую сла-

бость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Феоктистовой, приѣхавшей къ нему накануне и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой стціи. Этой стціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ стціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

Лечение: согревающій компрессъ, стропантъ, вино, камфора подъ кожу, клизма. Питье глотками „Виши“. Температура вечеромъ 37,8. Дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

Ночь на 4 ноября провела очень тревожно. Всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ температура 38,1, слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневникъ. Изрѣдка пытался диктовать свои мысли. Бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ переѣмъ. Изрѣдка кашлялъ и откашливалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабая. Пульсъ чаще (120, 130), перебои больше. Отказался отъ пищи и лѣкарства. Сильная жажда и жажда. Питье немного молока и „Виши“. Были попытки къ мочеиспусканію. Моча мутная, содержала довольно много бѣлка. Днемъ—большая слабость. Во время пробужденія отъ сна сознаніе вполне ясное. Говорилъ очень мало. Мало интересовался окружающимъ. Лечение: камфора (4 раза), коденъ (2 раза) подъ кожу, вино, клизма. Температура вечеромъ 38,4. Появилась рѣдкая икота.

Въ ночь на 5-е почти не спалъ. Былъ очень возбужденъ. Все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился. Говорилъ невнятно. Сильная одышка (40,44), плохой, слабый пульсъ. Ночью—два вырѣскаиванія 2-хъ-процентнаго раствора камфоры. Утромъ температура 37,1. При выслушиваніи сердца разстройство ритма (эмбриокордія), угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознаніе ясное. Восприимчивость ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на все предложенія почти отвѣчалъ отказомъ и просилъ возможно меньше тревожить его. Не позволялъ себя перекладывать на другъ постель. Весь день икота. Послѣ клизмы обильное послабленіе и нѣкоторое улучшеніе самочувствія. За день выпито 2 шприца дигалена, три—камфоры, 1—коденна. Температура вечеромъ 37,4.

Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты, отъ изжоги. Пульсъ былъ слабый, частый, съ большими перебойми... За ночь выпито два шприца камфоры. Температура утромъ 37,2, большая слабость, одышка, икота. Утромъ подъ кожу выпрыснутъ дигаленъ и камфора. Сдѣлана клизма.

Около полудня состоялся консилиумъ съ докторами Шуровскимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено:—воспалительный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Дѣятельность сердца слабая. Значительное число пульсовыхъ волнъ не доходитъ. Размѣры сердца прежніе. Ритмъ сердца неправильный (эмбриокордія), икота, животъ мягкій. Въ мочѣ бѣлокъ, слабость, сознаніе ясное. Около двухъ часовъ дня неожиданное возбужденіе. Съѣлъ на постель и промѣнилъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: „Вотъ и конецъ, и ничего“, а затѣмъ: „Только одно я прошу вспомнить: на свѣтъ пропалъ народъ, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва“.

Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности (collab), пульсъ едва едва ощущался. Появилась синевая (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей. Конечности похолодѣли. Вырѣснуты два шприца камфоры, одинъ коденна. Примѣнено дыханіе кислородомъ и согреваніе конечностей. Помемному пульсъ сталъ улучшаться. Цианозъ исчезъ и большой заснулъ. Къ вечеру самочув-

ствие было нѣсколько лучше. Сдѣлано вырѣскаиваніе дигалена, затѣмъ камфоры и поставлена теплая клизма въ 200 гр. соляного раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть. Выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стакачика молока и съѣлъ немного овсянки. Нѣсколько разъ прозвонно молчала. Сознаніе было вполне ясное. Но къ концу усилилась икота и одышка. Послѣ полуночи одышка дошла до 60 дыханій въ минуту. Икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метался на постели, вскакивалъ. Состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено выпрыснуть 0,01 камфоры (въ 12 час. 15 мин. ночи). Л. Н. заснулъ. Икота прекратилась. Одышка уменьшилась до 36. Въ 2 часа ночи пульсъ, несмотря на вырѣскаиваніе камфоры, сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринято вырѣскаиваніе сильнаго раствора, но замѣтнаго вліянія на пульсъ это не оказало. Л. Н. реагировалъ на облики. Сдѣлалъ одинъ, два глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія, была приглашена вся семья. Въ 5 часовъ утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ и въ 6 час. 5 мин. утра по московскому времени Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтми и друзьями.

Л. Н. лежалъ какъ прежде сказано, въ домѣ начальника стціи И. И. Озолина, гдѣ въ его распоряженіи были двѣ довольно большія комнаты. Съ гигиенической стороны обстановка была удовлетворительна. Непосредственный уходъ за Л. Н. лежалъ на врачахъ, его дочери Александрѣ Львовнѣ, ея другѣ В. М. Феоктистовой и В. Г. Чертковѣ. Нѣсколько разъ у постели больного были его дѣти: Татьяна Львовна Сухотина и Сергій Львовичъ. Остальные члены семьи все время находились вблизи, но въ комнату больного не входили. На семейномъ совѣтѣ, согласно съ заключеніемъ врачей, было рѣшено, чтобы икота другой изъ родныхъ не входила къ Льву Николаевичу, такъ какъ были основанія думать, что Л. Н. сильно возбуждается при появленіи новыхъ лицъ, что могло роковымъ образомъ отразиться на висѣвшей на високѣхъ его жизни.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Въ время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослабленной, но, благодаря своему крѣпкому организму и, главнымъ образомъ, необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильная душевная потрясенія послѣдняго времени и утомленіе отъ необыкновеннаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своей ласковостью и итѣннымъ отношеніемъ, которое никогда не измѣняется у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Льву Николаевичу въ послѣдніе дни его жизни.

Пріѣздъ въ Астапово.

(Рассказъ очевидца). Случилось это 31 октября.

Событіе, которое врядъ-ли придется пережить еще когда-либо намъ, мѣстнымъ жителямъ маленькой, затерянной среди степи стціи.

По обыкновенію мы собрались вечеромъ тѣснымъ кружкомъ. Здѣсь были преимущественно молодые дамы—жены служащихъ на ст. Астапово.

Разговоръ вертѣлся вблизи сообщенія газетъ объ уходѣ Л. Н. Толстого.

Обсуждали это событіе на разные лады. Въ половинѣ седьмого долженъ былъ придти поѣздъ изъ Смоленска, и хозяйка дома, гдѣ мы собрались, поджидала изъ Данкова съ этимъ поѣздомъ мужа.

Вдругъ слышимъ—шумъ подходящаго поѣзда. Не прошло послѣ этого и пяти минутъ, какъ въ комнату вошелъ взволнованный супругъ нашей хозяйки.

— Господа, кажется, въ этомъ поѣздѣ ѣдетъ Левъ Толстой! Я промель мимо вагона второго класса—оля завѣшана. Съ Толстымъ дочь и докторъ.

— Да правда ли? Не знаете, куда ѣдетъ?—досыпались вопросы.

Въ это время вбѣгаетъ одинъ изъ служащихъ на стціи и кричитъ:

— Чего вы здѣсь сидите! Скорѣй! Въдѣ у насъ Толстой! Онъ, остается въ Астаповѣ. Не ѣдетъ далѣе... Заболѣлъ. Сидитъ въ дамской комнатѣ второго класса.

Мы опротомѣлись бросились на стцію. Оля поѣзда, смоленскій и московскій уже ушли, но на стціи были еще огни, и въ первомъ классѣ было много народу. Навстрѣчу намъ вышелъ знакомый служащій и какъ-то торжественно сообщилъ, что онъ первый узналъ о пріѣздѣ Толстого, что Толстой здѣсь остается, что его это особенно волнуетъ, такъ какъ отецъ его былъ горячимъ послѣдователемъ Льва Николаевича.

— Если хотите видѣть Толстого—стойте въ этомъ коридорѣ,—сказалъ онъ намъ. Толстой сейчасъ пройдетъ сюда.

Мы стали въ проходѣ и съ волненіемъ ждали.

Не могу описать того чувства, какое охватило меня при мысли, что я сейчасъ увижу этого гениальнаго человека—больше: этого сверхъ-человѣка... Сердце учащенно билось, волненіе росло.

Наконецъ, принесли вещи Толстого: два чемодана и шедъ. Затѣмъ открылась дверь перваго класса, и кто-то сказалъ:

— Идетъ!

Мы раступились и плотно прижались къ стѣнамъ.

Онъ шелъ, поддерживаемый подъ руки: съ одной стороны дочерью, съ другой—другомъ, докторомъ Маковицкимъ... Въ темномъ пальто и круглой каракулевой шапочкѣ. Изъ-подъ нависшихъ бровей пріятливо глядѣли на насъ сѣрые глаза—когда великій старецъ отвѣчалъ на наши поклонны.

Тихо, благоговѣнно вся толпа двинулась за нимъ—вплотъ до квартиры начальника стціи.

Дверь за нимъ захлопнулась, но никто не хотѣлъ уходить.

Волна неиспытанныхъ ощущеній охватила насъ, и намъ не хотѣлось разставаться. Мы снова собрались въ той же квартирѣ и, взволнованные, обмѣнивались впечатлѣніями.

Разговорами не было конца—точно Толстой привезъ намъ новую жизнь.

Разошлись мы далеко послѣ полуночи, каждый съ мыслями о Л. Н. Толстомъ.

„С. В.“

О кохчикѣ Л. Н. Толстого.

„Рѣчь“ въ передовой статьѣ говорить:

И напрасно возражали родные и близкіе: онъ нашъ; онъ вернется въ Ясную Поляну. Напрасно толковали иерархи: онъ пошелъ наяться, онъ будетъ нашъ, онъ вернется въ церковь.

Напрасно шипѣли профессиональные ненавистники: это „чужой гипнозъ“, новый капризъ, внушенный „злымъ гениемъ“, и новое паденіе. Великій Толстой не слыхалъ съ высоты своего преображенія ни этихъ тоскливыхъ вадоховъ, ни этихъ алардныхъ выкриковъ. Одинокій, онъ пошелъ путемъ своего избранія и не вернулся... Нѣтъ, это былъ не путь „злого гения“, а путь просвѣтленнаго человека, путь святаго Франциска, путь Гаутамы-Будды, путь безконечной любви и жалости къ человѣческому, при всемъ видимомъ его страданіи.

Вѣдныя, слѣпныя кроты, эти близкіе, эти иерархи, эти завистники! Въ смерти, какъ и въ жизни, Толстой остался нашимъ, остался съ нами, но потому, что онъ пошелъ этимъ путемъ, а не имъ указаннымъ; ушелъ, а не умеръ. Онъ зналъ, что идетъ не на смерть, а на новую жизнь,—ту жизнь, о которой давно рассказывалъ въ своей книгѣ „о жизни“. Тогда еще, давно, онъ объяснилъ намъ, какъ онъ одолевъ въ себѣ страхъ смерти. И, не смотря на всю мистикъ этой книги, не смотря на ортодоксальныя формы, въ религіи Толстого мы любимъ то человѣческое, что онъ запечатлѣлъ теперь своей смертью. Въ этой смерти, какъ и въ жизни своей, Толстой принадлежитъ всему человѣчеству, которому онъ далъ теперь новый, яркій и вѣчный символъ—безсмертія.

„Рус. Вѣд.“ заглаживаютъ свою статью слѣдующими словами:

Писатель, „какъ бы открывающій міру „человѣчество“, отошелъ отъ насъ... Но въ мигъ скорбнаго сознанія, что Россію и весь міръ постигла эта великая утрата, невольно хочется повторить тѣ слова, съ которыми мы еще такъ недавно обращались къ нему самому, въ свѣтлѣйшемъ дѣлѣ всемірнаго чествованія русскаго гения... Какъ огромный высоты утесъ, онъ поднимается надъ вышочайшимъ у его подножій возмненіемъ, и въ то время, какъ внизу, посреди старающихся облатъ его пѣной и свернуть волнъ, царствуетъ мракъ настоящаго его вершина доступна лучамъ грядущаго солнца; передъ ней—огромный горизонтъ, невидимыя находящаяся внизу перспективы. Она вся въ ослѣпительно-аркомъ будущемъ. И увидятъ эти широкая перспективы, проникнутъ далеко за узкую лѣнію доступнаго, находящагося внизу горизонта, можно, только дости чувъ перинтъ помощью непрепрекающей самостоятельной работы, нестѣпеннаго окованн стремленія. Это доступно немногимъ. Но отблескъ грядущаго солнца, сверкающій на утесѣ, свѣтитъ и тѣмъ, кто находится внизу. Надо только, чтобы у нихъ не были закрыты глаза. И единственное пожеланіе, которое можно сдѣлать и теперь, какъ тогда, два года назадъ, не ради славы великаго художника, но для блага нашей родины, это—чтобы глаза скорѣе раскрылись и чтобы свѣтъ грядущаго, отражающійся на гени, равнаго мракъ насылій челоѣкоена-вѣстичества, гнетъ надъ мыслью гнета надъ словомъ, надъ свободнымъ исслѣдованіемъ истины, свободнымъ стремленіемъ къ лучше му.

